

О. И. Гамали, О. Б. Каневская

Криворожский педагогический институт ГВУЗ

«Криворожский национальный университет»

Реализация ключевого образа «творчество» в поэтической речи Давида Самойлова

Гамали О. И., Каневська О. Б. Реалізація ключового образу «творчість» у поетичному мовленні Давида Самойлова. У статті схарактеризовано особливості реалізації ключового образу «творчість» у поетичному мовленні Давида Самойлова. Установлено, що аналізований образ є виразником творчого кредо поета та реалізований через лексеми творчість, поет, поезія, слово, вірш, живопис, музика, митець тощо. Складовими образу «творчість» є «мистецтво», «творець / поет», «автор». Вербалізатори цих образів зазнають семантичної трансформації у широкому діапазоні смислового варіювання. Д. Самойлов використовує різноманітні тропи: метафори, епітети, порівняння, уособлення, риторичні запитання тощо. Численні антропоніми – імена митців – пов'язують творчість поета із світовим культурним простором.

Ключові слова: поетичне мовлення, художній образ, ключовий образ «творчість», складові образу, вербалізатори образу, тропи, Д. Самойлов.

Гамали О. И., Каневская О. Б. Реализация ключевого образа «творчество» в поэтической речи Давида Самойлова. В статье охарактеризованы особенности реализации ключевого образа «творчество» в поэтической речи Давида Самойлова. Установлено, что анализируемый образ является выразителем творческого кредо поэта и реализуется с помощью слов творчество, поэт, поэзия, слово, стих, живопись, музыка, художник. Составляющими образа «творчество» являются «искусство», «творец / поэт», «автор». Вербализаторы этих образов претерпевают семантическую трансформацию в широком диапазоне смыслового варьирования. Д. Самойлов использует разнообразные тропы: метафоры, сравнения, олицетворения, риторические вопросы. Многочисленные антропонимы – имена деятелей искусства – связывают творчество поэта с мировым культурным пространством.

Ключевые слова: поэтическая речь, художественный образ, ключевой образ «творчество», составляющие образа, вербализаторы образа, тропы, Д. Самойлов.

Hamali O. I., Kanevska O. B. Realization of the key image «creation» in D. Samoylov poetic speech.

The article considers the peculiarities of realizing the key image «creation» in D. Samoylov's poetic speech. It is established that the image under analysis represents the author's poetic credo through intermediary of such words as creativity (творчество), poet (поэт), poetry (поэзия), word (слово), verse (стих), painting (живопись), music (музыка), artist (художник). The components of the image «creation» are «art», «creator / poet», «author». The verbalizers of these images undergo diversified semantic transformation. D. Samoylov employs the variety of tropes: metaphors, epithets, similes, personifications, rhetorical questions. The numerous anthroponyms (the names of famous artists) link the works of the author to the world culture.

Keywords: poetic speech, image, key image «creation», image components, image verbalizers, tropes, D. Samoylov.

Вопрос о художественных образах и их реализации в поэтических текстах, несмотря на длительную и плодотворную историю их изучения от Аристотеля до наших дней, остается интересным и актуальным. Природу образов с философско-эстетических, лингвистических и литературоведческих позиций исследовали многие ученые, чьи работы стали классикой филологии: Ш. Балли, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. П. Григорьев, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, А. И. Федоров, Л. В. Щерба, Б. О. Эйхенбаум и др.

Безусловно, образ является элементом любого произведения искусства, любого образно-эмоционального текста. Как отмечается в научной литературе, это способ и форма освоения действительности в искусстве, которые характеризуются нераздельным единством чувствительных и смысловых моментов [10:910]. С философской точки зрения, образ – это результат

отражения объекта в сознании человека, своего рода зеркало действительности, реальности, «внутренней» или «внешней» – психической и физической [11:446].

С филологической точки зрения образ – это «категория эстетики и литературоведения, характеризующая присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности... Как отражение действительности, образ наделен пространственно-временной протяженностью, предметной законченностью и другими свойствами реально бытующего объекта» [5:252]. Однако с реальными объектами образ не смешивается, поскольку принадлежит внутреннему миру произведения.

Художественная специфика образа определяется не только тем, что он отражает и осмысливает существующую действительность, но и тем, что он творит новый, небывалый, вымышленный мир [12:166]. В образе достигается творческое преобразование реального материала: красок, звуков, слов и т. д., создается единичная «вещь» (картина,

текст), занимающая свое особое место среди предметов реального мира [12:194]. В цитируемом тексте мы выделили следующую мысль: художественный образ существует только в произведении искусства и, надо полагать, в сознании автора. Однако это не совсем так. Художественный образ строится на основе психического образа, он так же древен, как и сам человек.

Язык, речь человека формировались на основе образа. Слово создается на основе образа-денотата (согласно А. А. Потебне, «внутренняя форма слова»). Именно в языке проявляется природное качество человека – мыслить образами. Образы содержат информацию не только объективную, но и субъективную (эмоции, оценка, интенции и др.), т. е. индивидуальные коннотации превращают образ в знак.

А. А. Потебня справедливо указывал: «материалом поэзии являются образы» [6]. В. М. Жирмунский, полемизируя с этой точкой зрения, писал, что образ в поэзии воспринимается читателем с индивидуальным дополнением к смыслу воспринимаемых им слов, поэтому слово рождает образы, а вместе с ними чувства, мысли, волеизъявления и оценки, значит – материалом поэзии являются не образы, а слова [3:18–25].

К аналогичному выводу приходит и В. В. Виноградов в книге «Проблемы русской стилистики»: слово является «строительным материалом... для построения произведения и соотносено с другими элементами его конструкции. Поэтому оно двупланово по своей смысловой направленности и в том смысле образно» [2:119].

Можно смело утверждать, что этот процесс двусторонний: слова порождают художественные образы, и их взаимосвязи бесконечны, а значит, всегда можно придумать фразу, в которой смысл известного всем слова раскрылся бы как-то иначе, неожиданно, по-новому.

Словесный образ не только семантически значим, но и переживаем, эстетически ценен. Поэтическая функция слова выступает не как логическая (коммуникативная), а как оттеночная, как бы «поглощенная». Сила воздействия слова здесь в том, что оно «необязательно, неожиданно по поводу данной реалии, но незаменимо, как выражение модального качества мысли» [4:65]. Неясность, неопределенность, припоминание или сопутствующие представления слушающего (читающего) ведут, по словам Б. А. Ларина, к полному осуществлению эстетического действия поэзии [4:67]. В образах, созданных поэтами, независимо от времени их жизни и творчества, всегда прослеживаются различные способы «лирического преобразования» действительности.

Итак, художественный образ, будучи отражением реальности, несет в себе влияние индивидуальности автора, который воспроизводит объект действительности. Образное слово по семантике можно охарактеризовать следующим образом: 1) по своей отнесенности с предметом слово конкретно; 2) со стороны содержания оно

обладает дополнительным смыслом в отличие от общеупотребительного слова («приращение смысла»); 3) образное слово обладает воздействующим свойством (эстетическая функция).

Художественные образы рассматриваются на материале разных языков, творчества разных поэтов и писателей, с разных позиций. Структуре образа, его роли и функциям как в языке художественных произведений вообще, так и в идиостиле конкретного писателя или поэта (например, А. А. Ахматовой, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой и мн. др.) посвящено немало работ, среди которых своей глубиной обращают на себя особое внимание исследования М. А. Бакиной, Л. И. Донецких, В. И. Ереминой, И. И. Ковтуновой, Е. С. Кубряковой, Л. А. Кузнецовой, М. Н. Литвиновой, Е. А. Некрасовой, О. А. Петриченко, Т. В. Симашко, Е. Т. Черкасовой и др.

Однако поэтика многих замечательных художников слова еще остается недостаточно изученной, что открывает широкое поле для исследовательской работы. Одним из таких авторов является Давид Самойлов – известный русский советский автор и переводчик, поэт фронтового поколения, которого волновали темы войны и мира, человечности и добра, а также проблема определения места поэзии и искусства, творчества во всех его проявлениях в жизни. Изучением творческого и жизненного пути Д. Самойлова занимались литературные критики Л. Аннинский, Б. Баранов, Ю. Болдырев, Е. Осетров, С. Рассадин, С. Чуприн и др. Ему посвящены серьёзные литературоведческие труды В. С. Баевского, Л. Ю. Клевцовой. Но практически нет работ о собственно речевой ткани самоейловских произведений: ключевые образы, средства изобразительности, особенности словоупотребления, приемы стилизации – все эти проблемы еще ждут своих исследователей.

Цель статьи – охарактеризовать особенности реализации ключевого образа «творчество» в поэтической речи Давида Самойлова.

Проведенный нами анализ произведений Д. Самойлова свидетельствует, что ключевым, рассматриваемым нами как семантический центр поэтического текста в них является образ «творчество», который реализуется в поэтической речи посредством слов-поэтизмов: *творчество, поэт, поэзия, слово, стих, живопись, музыка, художник*.

Отметим, что художественный образ в поэтическом тексте может быть представлен в виде слова, словосочетания, синтагмы (часть предложения, высказывания), целостного предложения, сложного синтаксического целого, а также различных тропов и стилистических фигур (метафора, метонимия, сравнение, эпитет, антитеза, гипербла и т. д.), являющихся внешней формой внутреннего зрительного образа. Ключевой образ «творчество» в поэтической речи Д. Самойлова представлен с помощью всей системы средств реализации.

Так, важным для понимания творческого кредо поэта является образ «искусство», который вербализуется в лексемах: *искусство, театральные каноны, ремесло; поэзия, проза, стихи, рассказ, драма, монолог, стиль, трагедии, рифма, слово, повесть, русская речь, живопись, театр, литература, музыка* и др. В контекстах: *Стройный мост из железа ажурного, / Застеклённый осколками неба лазурного. / Попробуй вынь его / Из неба синего – / Станет голо и пусто. / Это и есть искусство* [7:34]; *И понял я, что мало стою, / Поскольку счастье ремесла / Не совместимо с суетою* [7: 56]; *Но, перекраивая наново / Все театральные каноны, / Вдруг дать перед финалом занавес / И пасть в объятья Дездемоны* [7:14]; *Мое единственное достояние / – Русская речь. / Нет ничего дороже, / Чем фраза, / Так облегающая мысль, / Как будто это / Одно и то же* [8:59]; *Сберегите нас от серой прозы, / От всего, что сбило и затёрло. / И пускай бесстрашно льются слёзы / Умиленья, зависти, восторга!* [7:34].

Искусство, утверждает Д. Самойлов, *не хитроумство, не изыск, не ухищрение*; оно творится спокойно, иногда весело, иногда грустно, но всегда без ненужной аффектации: *Не из сора рождаются стихи, / А из горькой отравы, / А из горькой и жгучей, / Которая корчит и травит. / И погубит. / И только травинку / Для строчки оставит* [7:11]; *Я сделал вновь поэзию игрой / В своем кругу. Веселой и серьезной / Игрой – вязальной спицею, иглой / Или на окнах росписью морозной* [7: 38].

Как показывает анализ текстов, Д. Самойлов принадлежит к тем поэтам, которые много размышляют о творчестве вообще и о своем пути в поэзии в частности: *Писать, избегая неверья / В себя. Чтоб скрипели гусиные перья / И, словно гусей белоснежных станицы, / Летели исписанные страницы* [7:20]. Автор утверждает: поэт должен быть верным своему предназначению, должен постоянно трудиться, невзирая ни на какие трудности и преграды.

Широко представлен у Д. Самойлова парадигматический ряд поэтизмов с «вечной» темой-денотатом «поэт»: *гений, талант, мастер, поэт, писатель, ученик, герой, трубач, потомок яснолицый, хранители традиций, очи гения, пловец, сыны блистательной России*. В контекстах: *Я только завтра буду мастер, / И только завтра я пойму...* [7:7]; *...Придёт поэт иного рода, / Светло и чисто запоет. / А вы, хранители традиций, / Вдруг потеряете себя, / Когда потомок яснолицый / Над вами встанет, вострубя* [9:73–75].

Художественный образ «творец / поэт» реализуется с помощью антропонимов, составляющих ономастическое пространство произведений Д. Самойлова, которое связывает поэта с разными эпохами и культурами, вводит широкий историко-культурный контекст. Можно выделить такие группы «реальных» авторов, как:

– «поэт (писатель)»: *Ахматова (Анна Андреевна), Блок, Высоцкий, Гесиод, Глазков, Гомер, Дант (Данте Алигьери), Державин, Диккенс, Жуковский, Заболоцкий, Карамзин, Кафка, Крылов, Кульчицкий,*

Лермонтов, Маяковский, Мицкевич, Пастернак, Петрарка, Пушкин, Свифт, Северянин, Слуцкий, Соколов, Тарковский, Тютчев, Феокрит, Фет, Хлебников, Цветаева, Чехов и др.;

– «музыкант (композитор)»: *Гайдн, Глюк, Моцарт, Рихтер, Шуберт* и др.;

– «художник»: *Брейгель, Саврасов*.

В контекстах: *Но они были двое. Не нужен был третий / Этой женщине и Алигьери* [8:29]; *Здесь жил Мицкевич. Как молитва. / Звучит пленительное: / Мицкевич из того окошка / Глядел на дворик* [7:52]; *Не помедлив стреляют злодеи / В сердце Лермонтова или Пушкина* [7:103]; *В страстях, в которых нет таланта, / Заложено самоубийство, / Или убийство. Страсти Данта / Равны ему. Растут ветвисто* [8:68]; *Правда ль, нелепый / Маленький Шуберт, / Музыка – лекарь? / Музыка губит* [8:85]; *А Рихтер музыку возводит в зал / И возвращает музыку в музыку. / Прислушаемся к Рихтерову лику, / К рукам задумчивого ездока, / Вожатому коней, изваянных из звука...* [7:77]; *Стояли они у картины: / Саврасов. «Грачи прилетели». / Там было простое, родное. / Никак уходить не хотели* [8:96].

Подчеркнем, что «укоренённость поэзии Самойлова в мировой культуре, которая питает ее столь же плодотворно, как реальные впечатления от пережитого» [1:19], выражается в целом ряде его стихотворений, представляющих собой сюжетные реминисценции («Оправдание Гамлета», «Золушка», «Старик Державин»), в многочисленных интертекстуальных связях, прецедентных именах. Например: *Сам Гелиос внимает, как поет, / Крыло откинув, / Черный лебедь Аполлона* [7:77]; *А проснешься – еще сильнее, / Словно слышал зов Лорелеи / И навек распалась стезя* [7:177]; *Гамлет медлит, / Глаза прищулив / И нацеливая клинок, / Гамлет медлит. / И этот миг / Удивителен и велик* [8:77]; *Говорят, Беатриче была горожанка, / Некрасивая, толстая, злая. / Но упала любовь на сурового Данта, / Как на камень серьга золотая* [7:77]. Исторические и мифологические герои, творцы искусства и их персонажи составляют для поэта неотъемлемую часть его жизненного багажа, мира, в котором он живет.

Важным в творчестве Д. Самойлова стало выражение чувства человеческого и культурного единства с миром: *Вы меня хлебом пшеничным, я вас зерном слова – / Мы друг друга кормим. / Есть и у слова своя половая. / Но и оно растет корнем* [9:154].

Таким образом, для обозначения субъекта, творящего искусство, т. е. автора, Д. Самойлов использует как традиционные (*поэт, талант, мастер, писатель*), так и индивидуально-авторские поэтизмы (*хранители традиций, цыганская нота, незаносчивое слово, обычные слова*), а также антропонимы, связанные с мировым культурно-литературным пространством: *Рукоположения в поэты / Мы не знали. И старик Державин / Нас не заметил, не благословил* [7:43]; *Из поздней пушкинской плеяды. / Я нас возвысить не хочу. / Мы – послушники ясновидца... / Пока в России Пушкин длится, / Метелям не задуть свечу* [7:77].

Поэтический мир Самойлова предстает перед нами во всём богатстве ассоциаций, которые обновляют наше понимание знакомых предметов и явлений, во всей динамичности сменяющихся картин природы и жизни человека, во всей самобытности характера художника: *Все тот же полуночный дождик / Играет мне, что б ни просил, / Как неумолимый художник / В расцвете таланта и сил; Снежная скатерть. / Мука без края. / Музыка насмерть. / Вьюга ночная* [7:37].

Подтверждение этой мысли можно найти также в следующих строках: *Дай выстрадать стихотворенье! / Дай вышагать его! Потом. / Как потрясенное растение, / Я буду шелестеть листом* [9:84].

Ключевой образ «творчество» часто реализуется в текстах с помощью разнообразных тропов – неожиданных сравнений, метафор и эпитетов: *Поэзия должна быть странной / Шальной, бессмысленной, туманной / И вместе ясной, как стекло, / И всем понятной, как тепло* [7:107]; *И волосы струятся по плечу, / Как музыка немая* [7:44]; *Он заставляет музыку смотреть, / Угадывать ее предвесье* [7:41]; *Крыло рояля. Руки Рихтера, / Изысканные, быстрые и сильные, / Как скаковые лошади* [7:77].

Не менее активно поэт использует олицетворение – один из приемов художественного изображения: *Что стих пробьётся в жизнь мою* [8:48]; *Когда тайком колдует плоть, / Поэзия – служанка праха* [9:78].

Поэт подчеркивает простоту поэзии, при этом наделяя её человеческими качествами: *И словно в детстве – бормотанье, вздор. / И почему-то рифмы простодушны. / И мысль ему любая не в укор* [7:77].

Характеризуя творчество, творческий процесс, Д. Самойлов часто ставит риторические вопросы: *Я учился языку у няnek, / У молочниц, у зеленичка, / У купчихи, приносившей пряник / Из арбатского особняка. / А теперь мне у кого учиться?* [7:26]; *Кто двигал нашею рукой, / когда ложились на бумаге / Полузабытые слова? / Кто отнимал у нас покой?* [7:24]; *Что знает скрипка о высоком пенье? / Что я о ней? Что пламя о свече? / И сам господь – что знает о творенье?* [7:77]; *Неужто есть в стихах такая сила, / Что разгоняет в море корабли?* [7:69].

Исследователи творчества Д. Самойлова отмечают, что «одна из самых долговременных мыслей поэта, переходящих из книги в книгу, – о родственности природы и поэзии» [7:137]. По мысли поэта, *Деревья должны / Дорости до особой высоты, / Чтобы стать лесом. / Мысли должны / Дорости до особой высоты, / Чтобы стать словом. / Больше ничего не надо, / Даже ухищрений стиха* [9:45].

В стихотворении «Хлеб», звучащем медленно, торжественно, подобно гекзаметру, сопоставлены колос пшеничный и колос словесный: *Из одного перегоя растут колос пшеничный и колос словесный. / Знаю, что ждут хлебные печи. / В русское небо с заботой гляжу я, пахарь безвестный, / Жду, что прольются благие дожди в пахоту*

речи [9:35].

Многое в стихах Д. Самойлова перекликается с явлениями природы. А иногда – наоборот: пейзажная картина напоминает о пишущем: *Когда-нибудь и мы расскажем, / Как мы живем иным пейзажем, / Где море озаряет нас, / Где пишет на песке, как гений, / Волна следы своих волнений / И вдруг стирает, осердясь* [9:98].

Поэзия Д. Самойлова полна таких уподоблений: *пишущий стихи на бумаге сопоставлен с бегущим в овраге ручьём, а море – пишет на песке как гений.*

Во «Втором перевале» Д. Самойлов пишет: *Стих небогатый, суховатый, / Как будто посох суховатый. / Но в путь, которым я иду, / Он мне годится – для опоры, / И на острастку песьей своры, / Для счёта ритма на ходу. / На нём сучки, а не узоры, / Не разукрашен – ну и что ж! / Он мне годится для опоры, / И для удара он хорош!* [9:60]. Стих сравнивается не просто с посохом – мы видим и даже как будто чувствуем неровности и сучки суховато-крепкой палки.

Вот другой «портрет» стиха, открывающий поэму «Последние каникулы»: *Четырёхстопный ямб / Мне надоел. Друзьям / Я подарю трёхстопный, / Он много расторопней... / В нём стопы словно стопки – / И не идут колом / И рифмы словно пробки / В графине удалом. / Настоянный на корках / Лимонных и иных, / Он цвет моих восторгов / Впитал, трёхстопный стих. / И всё стихотворенье / Цветёт среди бела дня / Бесплотную сиренью / Спиртового огня...* [7:207]. В этом тексте ключевой образ «творчество» реализуется посредством использования слов-терминов, относящихся к поэзии вообще: *четырёхстопный ямб, трёхстопный ямб, рифма, стих, стопа, стихотворенье.*

Отметим стилистическую особенность поэтического словаря Д. Самойлова, в котором преобладают стилистически не маркированные, нейтральные лексемы. И это вполне осознанный отбор: *... Люблю обычные слова, / Как неизведанные страны. / Они понятны лишь сперва, / Потом значенья их туманны. / Их протирают, как стекло, / И в этом наше ремесло* [7:65]; *Стихи читаю Соколова – / Не часто, редко, иногда. / Там незаносчивое слово, / В котором тайная беда* [7:27].

Справедливо утверждение исследователей творчества Д. Самойлова, что «Стих оказывается действующим лицом его лирики» [1:201]. Поэт подчеркивает жизненную силу и жизненную правду творчества: *Поэзия пусть отстаёт / от просторечья – / И не на день, и не на год – / На полстолетья. / За это время отпадёт / Всё то, что лживо, / И в грудь поэзии падёт / Всё то, что живо* [7:41].

Таким образом, в поэтическом тексте происходит семантическая трансформация ключевых слов (*искусство, стих, поэзия, поэт, музыка* и пр.), которые обладают широким диапазоном смыслового варьирования и составляют ключевой для поэтики Давида Самойлова образ «творчество», являющийся выразителем творческого кредо поэта: *Дай выстрадать стихотворенье!*

Литература

1. Баевский В. С. Давид Самойлов и его поколение / Вадим Соломонович Баевский. — Москва : Наука, 1986. — 255 с.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / Виктор Владимирович Виноградов. — Москва : Наука, 1963. — 359 с.
3. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / Виктор Максимович Жирмунский. — Л.: Наука, 1977. — 407 с.
4. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя : избранные статьи / Борис Александрович Ларин. — Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1974. — 283, [2] с.
5. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, Г. А. Николаева. — М.: Просвещение, 1989. — 456 с.
6. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / Александр Афанасьевич Потебня / Сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. — М.: Высш. шк., 1990. — 344 с.
7. Самойлов Д. Избранное / Давид Самойлов. — М.: Наука, 1980. — 245 с.
8. Самойлов Д. Счастья ремесла : [избранные стихотворения] / Давид Самойлов. — М.: Наука, 1978. — 112 с.
9. Самойлов Д. Цикл «Беатриче» / Давид Самойлов. — Таллин, 1989. — 254 с.
10. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. — [4-е изд.]. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 1600 с.
11. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 608 с.
12. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов / Джон Фоли; [пер. с англ.]. — М.: Вече, 1988. — 512 с.